

Фред Блок

КАК ОБЪЯСНИТЬ РАСХОЖДЕНИЕ ПУТЕЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: ОБНОВЛЕННЫЙ ПОДХОД ПОЛАНЫ¹

Работы Карла Поланьи служат сегодня отправной точкой для ученых, представляющих множество различных дисциплин, которые пытаются осмыслить современный мир. Все больше научных работ содержат цитаты из Поланьи и особенно его главного труда 1944 года — «Великой трансформации». Но ценность его идей не ограничивается возможностью такого стратегического использования его безупречного слога. Важной задачей является разработка имплицитной социальной теории, которая учитывает идеи Поланьи.

Задача этой статьи как раз и состоит в развитии такого проекта одновременно с решением вполне определенной и насущной загадки². На про-

¹ Understanding the Diverging Trajectories of the United States and Western Europe: A Neo-Polanyian Analysis, ' *Politics & Society*, 2007, vol. 35, no. 1, p. 3–33.

Это пересмотренная версия доклада, прочитанного в Обществе углубленных социально-экономических исследований, Будапешт, июль 2005; Институте международной социологии, Стокгольм, июль 2005; и Летнем институте Центра углубленных исследований поведения при Стэнфордском университете, «Пути развития национального капитализма», Пало Альто, Калифорния, июль 2006. Я признателен Джону Боуману, Патрику Кэрроллу, Уильяму Домхоффу, Питеру Эвансу, Дрю Халфману, Алексу Хиксу, Арли Хочшилду, Мэриан Негоита, Эрику Райту и редколлегии журнала *Politics & Society* за ценные замечания к черновым вариантам этой статьи. Я также благодарен за поддержку Институту Лонгвю и Фонду Форда и за помощь в исследовании Атмее Джаярам.

² В этой статье развиваются идеи, изложенные в множестве более ранних работ. См.: Fred Block, «Introduction», in *The Great Transformation*, by Karl Polanyi (Boston: Beacon, 2001), xviii–xxxviii; «Karl Polanyi and the Writing of *The Great Transformation*», *Theory and Society* 32 (2003): 275–306; Fred Block and Peter Evans, «The State and the Economy», in *The Handbook of Economic Sociology*, 2nd edition, ed. Neil Smelser and Richard Swedberg (Princeton: Russell Sage, 2005), 505–526; Margaret Somers and Fred Block, «From Poverty to Perversity: Ideas, Markets, and Institutions over 200 Years of Welfare

тяжении последней четверти века или даже более наблюдалось расхождение путей развития рыночных обществ в Соединенных Штатах и Западной Европе. Этой проблемой вплотную занимались ученые, работающие в традиции изучения «различных видов капитализма», которые выделяли значительные расхождения по обе стороны Атлантики в формах организации предприятий и управления ими, в относительной роли банков и фондовых бирж, в институционализированной роли профсоюзов и способах организации социального обеспечения³.

Исследователи, придерживающиеся различных теоретических взглядов, утверждали, что со временем эти расхождения должны сократиться вследствие действия в мировой экономике мощных гомогенизирующих сил⁴. И все же, особенно за первые шесть лет XXI столетия, накопилось немало свидетельств того, что расхождение становится более, а не менее значительным. Иллюстрируемые и усугубляемые серьезными политическими разногласиями между Европой и Соединенными Штатами относительно Ирака и надлежащих способов борьбы с глобальным терроризмом, политические, культурные и социальные различия, по-видимому, только растут⁵. С чем мы имеем дело: с кратким перерывом в общей тенденции к сближению или с отражением того факта, что Соединенные Штаты идут по совершенно иному пути, чем другие развитые рыночные общества?

Основная идея этой статьи состоит в том, что обновленная теория Поляни может оказаться полезной для разрешения этой эмпирической загадки, так как она позволяет выделить некоторые ключевые механизмы, которые

Debate», *American Sociological Review* 70 (2005): 260–287; Block, «Towards a New Understanding of Economic Modernity», in *The Economy as Polity: The Political Constitution of Contemporary Capitalism*, ed. Christian Joerges, Bo Strath, and Peter Wagner (London: UCL Press, 2005), 3–16.

3 К ключевым работам относятся: Colin Crouch and Wolfgang Streeck, eds., *The Political Economy of Modern Capitalism* (Thousand Oaks, CA: Sage, 1997); J. Rogers Hollingsworth and Robert Boyer, eds., *Contemporary Capitalism: The Embeddedness of Institutions* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997); Peter Hall and David Soskice, eds., *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage* (Oxford: Oxford University Press, 2001); Kozo Yamamura and Wolfgang Streeck, eds., *The End of Diversity? Prospects for German and Japanese Capitalism* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003). О финансовых различиях см.: John Zysman, *Governments, Markets, and Growth* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983), and Peter Gourevitch and James Shinn, *Political Power and Corporate Control: The New Global Politics of Corporate Governance* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005). О профсоюзах см.: Frances Fox Piven, ed., *Labor Parties in Postindustrial Societies* (New York: Oxford University Press, 1991). О социальном обеспечении см.: Gosta Esping-Andersen, *The Three Worlds of Welfare Capitalism* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990), Evelyne Huber and John D. Stephens, *Development and Crisis of the Welfare State: Parties and Policies in Global Markets* (Chicago: University of Chicago Press, 2001).

4 См., напр.: John Gray, *False Dawn: The Delusions of Global Capitalism* (New York: New Press, 2000), и Томас Фридмен, *Lexus и олива* (СПб.: Весь, 2004).

5 О расхождениях между Соединенными Штатами и Германией см.: Mary Nolan, «Anti-Americanism and Americanization in Germany», *Politics & Society* 33, no. 1 (2005): 88–122.

определяют направление развития современных рыночных обществ. В частности, она позволяет нам создать историческое объяснение Соединенных Штатов, которое делает основной акцент на смене политических ориентаций их делового сообщества и изменении роли политических контрдвижений, возникающих в результате рыночного развития.

Несмотря на то что главной темой статьи является расхождение путей Соединенных Штатов и Европы, основное внимание в ней будет сосредоточено почти исключительно на Соединенных Штатах. Общая идея состоит в том, что Европа продолжает двигаться в своем развитии по тому же пути, что и в 1950–1960-х годах, а Соединенные Штаты в 1970-х годах совершили неожиданный поворот. Конечно, было бы неплохо подробнее рассмотреть европейскую составляющую, но из-за нехватки места сделать это в настоящей статье не представляется возможным.

К ОБНОВЛЕННОЙ ТЕОРИИ ПОЛАНЫ

Возникает соблазн развить новую теоретическую позицию, противопоставив новую теорию уже знакомым теориям. Но здесь существует опасность предложить карикатурное описание существующих теорий, с которым их сторонники не смогут согласиться и которое они не станут отстаивать. Альтернативный подход, используемый здесь, состоит в том, чтобы изложить обновленную теорию Поланьи в виде четырех отдельных тезисов. Взятые вместе эти тезисы образуют систему, которая позволит читателю увидеть отличие такого подхода.

Хотя эта система связана с внимательным прочтением трудов Поланьи, прилагательное «обновленная» не означает изложения единственно верной интерпретации подхода Поланьи. Задача состоит в том, чтобы использовать Поланьи для построения самостоятельной системы, способной порождать полезные идеи. Это не попытка создать новую ортодоксию на основе работ Поланьи; такое предприятие обречено на провал, так как работы важных социальных теоретиков открыты для множества интерпретаций⁶.

*Тезис I: Рыночная экономика всегда и везде укоренена*⁷

Эта формулировка отвергает представление об экономике как об аналитически автономной или даже потенциально автономной области. Идея Поланьи состоит в том, что даже в тех случаях, когда предпринимались наиболее

6 Недавнюю интерпретацию Поланьи, заметно отличающуюся от предлагаемой здесь, см.: Fikret Adaman, Pat Devine, and Begum Ozkaynak, «Reinstituting the Economic Process: (Re) embedding the Economy in Society and Nature», *International Review of Sociology* 13, no. 2 (2003): 357–374.

7 О «везде» говорится в работе: Jamie Peck, «Economic Sociologies in Space», *Economic Geography* 81, no. 2 (2005): 129–176. См. также: Block, «Karl Polanyi», и ценную обзорную статью: Greta R. Krippner and Anthony S. Alvarez, «Embeddedness and the Intellectual Projects of Economic Sociology», *Annual Review of Sociology* 33 (2007): 219–240.

решительные идеологические попытки построения экономики, основанной на саморегулирующихся рынках, экономическая деятельность оставалась укорененной в правовых, культурных и политических структурах, которые имеют решающее значение для продолжения экономической деятельности. Когда Поланьи писал, что «идея саморегулирующегося рынка основывается на самой настоящей утопии»⁸, он имел в виду, что проект неукорененной экономики невозможен; он в конечном итоге привел бы к уничтожению человека и его естественной среды обитания.

Конечно, существуют заметные эмпирические различия в том, как разные общества структурируют рынки. Но было бы ошибкой помещать такие различия в континуум, простирающийся от полностью укорененных до полностью неукорененных. Рынки *всегда* нуждаются в работе социальных структур; они не возникают и не сохраняются сами собой. Таким образом, эмпирические различия связаны различными механизмами укоренения, которые различным образом структурируют рынки.

Эту идею проще всего понять на примере рынка труда. Утверждение, что некий рынок труда неукоренен, означает отсутствие государственного влияния или вмешательства. Но какие права имеют работники в этом «естественном» состоянии? Имеют ли они право создавать профсоюзы и коллективно бастовать? Имеют ли они право в любое время разорвать трудовой договор?⁹ Никаких однозначных ответов здесь быть не может, потому что такого естественного состояния не существует; определенные права, которыми обладают работники, заметно варьируются в зависимости от определенного исторического и институционального контекста, то есть от особых способов укоренения рынка труда¹⁰.

Обычно мы имеем дело с обществами, в которых государство тщательно перечисляет и защищает права работников на крайне регулируемых рынках труда¹¹. Но проблема в том, что общества с «нерегулируемыми» рынками труда также укореняют свои рынки труда. Государства, которые обычно мобилизуют полицию и войска для подавления забастовок и ареста руководителей профсоюзов, также активно участвуют в поддержании повседневного баланса сил в отношениях занятости.

8 Карл Поланьи, *Великая трансформация* (СПб.: Алетейя, 2002), 13.

9 Этот вопрос рассматривается в: Marc W. Steinberg, «Capitalist Development, the Labor Process and the Law», *American Journal of Sociology* 109 (2003): 445–495, и в докладе «Еще раз о „Великой трансформации“», прочитанном на съезде Американской социологической ассоциации, август 2006.

10 Эта идея впервые была разработана в традиции правового реализма. Более свежее изложение см.: Duncan Kennedy, «The Stakes of Law, or Hale and Foucault!» *Legal Studies Forum* 15, no. 4 (1991): 327–366.

11 Это представление подкрепляется идеологическим утверждением, что рынки аналитически автономны. Когда государство производит «вмешательство» для защиты работников, имеет место «регулирование», но когда государство действует, защищая работодателей, имеет место простая защита собственности, естественная и необходимая. Основная идея состоит в том, что в обоих случаях рынки укоренены в политическом и правовом устройстве.

Короче говоря, рынки труда — это политически структурированные институты, в которых относительная сила участников определяется правовыми институтами, предоставляющих определенные права предпринимателям и работникам или отказывающих им в таких правах. Это, в свою очередь, вызывает продолжительный процесс политической конкуренции за формирование и изменение этих основных правил для улучшения относительного положения различных участников. Предприниматели часто используют риторику «свободы рынка», чтобы проводить политику, которая урезает права работников, но речь здесь не идет о неукорененности. Скорее, имеет место попытка укоренить рынок труда в политических и правовых нормах, которые более благоприятны для предпринимателей¹².

Из этого следует, что государство играет важную координирующую роль во *всех* рыночных обществах. Это особенно заметно на рынках, которые Поланьи называл рынками «фиктивных товаров» — земли, труда, капитала и четвертого, хотя сам Поланьи и не выделял его, — знаний, который также может быть продуктивно использован¹³. Поскольку ни один из этих товаров на самом деле не производится для продажи на рынке, государство и другие нерыночные институты должны участвовать в создании равновесия между спросом и предложением на эти ключевые товары. Кроме того, деятельность государства необходима для продолжения самой рыночной конкуренции, которая постоянно ставится под угрозу экономическими участниками. Поэтому было бы ошибкой считать, что рынков самих по себе достаточно для координации экономической деятельности.

*Тезис II: Рыночные общества и современная мировая экономика сформировались в результате непрекращающегося двойного движения*¹⁴

Первый аспект двойного движения Поланьи связан с непрерывными попытками рыночных либералов с начала XIX века организовать общество и мировую экономику с помощью саморегулирующихся рынков. Хотя рыночные либералы настаивают на том, что их инициативы — это просто попытки вернуть некое ранее существовавшее состояние свободы рынка, их программы приватизации, «дерегулирования» и расширения рынка неизменно пытались структурировать рынки, используя политическую власть для

¹² Somers and Block, «From Poverty to Perversity».

¹³ Block, «Towards a New Understanding». См. также: Sean O'Riain, «Time Space Intensification: Karl Polanyi, the Double Movement and Global Informational Capitalism», *Theory and Society* 35 (2006): 507–528.

¹⁴ Полезное рассмотрение поланьевского «двойного движения» см.: Giovanni Arrighi and Beverly Silver, «Polanyi's 'Double Movement': The *Belle Epoque*s of British and U.S. Hegemony Compared», *Politics & Society* 31, no. 2 (2003): 325–355. См. также: Gregory Baum, *Karl Polanyi on Ethics and Economics* (Montreal: McGill-Queen's Press, 1996). Недавнее объяснение, которое включает социальную защиту в наше понимание современного капитализма, см.: Erik Ringmar, *Surviving Capitalism* (London: Anthem Press, 2005).

защиты определенных прав собственности путем ограничения прав работников, потребителей и других групп.

Так, например, усилия Соединенных Штатов, направленные на расширение глобальной «свободной торговли», на протяжении последних трех десятилетий идеально иллюстрируют такую асимметрию. В этом случае свободная торговля предполагала решительную защиту государством «прав интеллектуальной собственности» отдельных фирм. Поэтому иностранные государства должны были соблюдать эксклюзивные патентные права при продаже отдельных лекарств, или высокоурожайных семян, или даже авторское право на определенного мультипликационного героя, предоставляемое фирме другим государством. И все же хотя такое определение свободной торговли необычайно почтительно к предоставлению прав собственности государствами, в то же самое время оно безразлично к правам работников. Институциональная инфраструктура глобальной торговли не требует, чтобы каждое правительство соблюдало определенный пакет глобально признанных прав работника для тех, кто производит товары и услуги, продаваемые по всему миру¹⁵.

Эти усилия приводят к предсказуемым последствиям. При таком режиме свободной торговли предприниматели имеют веские стимулы для лишения прав и гарантий, которые могли быть завоеваны ими в прошлом, чтобы и дальше иметь возможность участвовать в международной конкуренции. В результате происходит возрастание неопределенности и непредсказуемости в повседневной жизни, поскольку работники больше не могут рассчитывать на стабильную занятость или стабильный доход.

Поэтому первое движение вызывает контрдвижение, которое должно защитить общество от последствий либеральной рыночной политики. Такие контрдвижения принимают множество различных форм от открыто политических и национальных движений, вроде европейских фашистских и социалистических партий 1920–1930-х годов, до куда более локальных инициатив, связанных с религией, этнической солидарностью или альтернативными экономическими практиками, которые стремятся оградить домохозяйства от экономической неопределенности¹⁶.

Но нет никаких гарантий, что эти контрдвижения смогут одержать политическую победу; иногда такие движения существуют только на задворках общества. Этим отчасти объясняется, почему самые радикальные попытки проведения «рыночных решений» в обществах обычно сопровождаются ростом репрессий со стороны государства, как в Англии после нового «Закона о бедных», в Чили при Пиночете или в африканских колониальных режимах, которые должны были заставить местное население отвечать на сигналы рынка. В этих случаях «свободные рынки» укоренены в режиме

15 Недавнюю критику режима «свободной торговли» см.: Ha-Joon Chang, *Kicking Away the Ladder* (London: Anthem Books, 2002), и Joseph Stiglitz and Andrew Charlton, *Fair Trade for All* (New York: Oxford University Press, 2005).

16 Поланьи, *Великая трансформация*, главы 14–17.

систематического принуждения, который призван изолировать и сдерживать противоположное движение.

Кроме того, относительная сила этих двух аспектов двойного движения во всякий данный момент времени может приводить к множеству различных результатов. К ним относятся репрессивная изоляция защитных контрдвижений, периоды патовых политических ситуаций, когда ни одна из сторон не обладает достаточной силой для того, чтобы сделать работу институтов эффективной, и периоды сравнительно мягкого балансирования, когда победы защитных контрдвижений создают условия для устойчивого экономического роста. Словом, нет никакого автоматического механизма, который подводит общества к соответствующему балансу между этими борющимися силами¹⁷.

Из этих первых двух тезисов следует, что сегодняшние реально существующие экономики нужно рассматривать как слабо связанные системы. В своей работе «Нормальные случаи» Чарльз Перроу предложил социологам техническое различие между жестко и слабо связанными системами¹⁸. В тесно связанной системе возникновение сложностей в одной части механизма немедленно сказывается в других, тогда как в слабо связанной системе существуют важные буферы, которые снижают вероятность каскада, способного ослабить или разрушить весь аппарат¹⁹.

Обновленный подход Поланьи рассматривает современные экономики как слабо связанные системы с множеством буферов и различных резервных механизмов. Катастрофический провал, способный распространиться из одной части экономики на другие, хотя и возможен, но все же маловероятен и нетипичен. Обычно экономические и политические участники находят способы сдерживания напряжения или трудностей в одной части экономического механизма от распространения на другие. Это обусловлено совокупным воздействием защитных контрдвижений и стремлением представителей государства всеми силами не допустить экономического краха. Кроме того, более высокий уровень экономического развития предоставляет участникам больше средств для преодоления этой напряженности и давления²⁰.

¹⁷ Block, «New Understanding».

¹⁸ Charles Perrow, *Normal Accidents* (New York: Basic Books, 1984).

¹⁹ И марксисты, и рыночные либералы склонны использовать образы, представляющие современные экономики в виде тесно связанных систем, в которых проблемы в одной области вызывают множество сложностей в других областях. Неоклассические экономисты обращаются к образам сложных гомеостатических систем: Philip Mirowski, *More Heat than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989). Марксисты обычно проводят аналогию между капиталистическими экономиками и живыми организмами: Fred Block, «Deconstructing Capitalism as a System», *Rethinking Marxism* 12, no. 3 (2000): 83–98.

²⁰ Схожие соображения см.: Claus Offe, «The Crisis of Crisis Management: Elements of a Political Crisis Theory», in *Contradictions of the Welfare State* (London: Hutchinson, 1984), 35–61.

Тезис III: Интересы предпринимателей различны в различные времена и в различных местах, но они играют решающую роль в определении развития рыночных обществ

Подобно марксистским объяснениям, обновленный подход Поланьи признает, что те, кто мобилизует капитал для инвестиций, оказывают непропорциональное влияние на ключевые политические решения. И все же именно потому, что экономика слабо связана и во многом зависит от действий государства, существуют значительные различия в том, как предприниматели будут воспринимать и преследовать свои интересы.

Питер Свенсон недавно выдвинул схожую мысль, критикуя «допущение эквивалентности», на котором основываются многие работы в области сравнительных исследований капитализма²¹. Многие аналитики просто полагают, что работники и предприниматели во все времена и во всех странах имеют одни и те же интересы. Затем они утверждают, что исторические различия вызваны изменениями не в интересах, а скорее во власти, ресурсах и политических возможностях, позволяющих классовым участникам осуществлять свои интересы.

Напротив, следует утверждать, что, несмотря на почти неизменную заинтересованность предпринимателей в сохранении работы своего бизнеса и дальнейшем получении прибыли в будущем, формулировка целей и стратегий, используемых ими, может заметно варьироваться. Одной из переменных здесь служит норма прибыли, которую руководство фирмы считает достаточной. Другой — временной горизонт; сроки максимизации прибыли — за три года или за двадцать — имеют большое значение²². Наконец, различаться могут и конкретные средства, используемые ими для извлечения прибыли. Фирмы, например, могут следовать стратегиям «верхнего пути», которые повышают квалификацию работников, или стратегиям «нижнего пути», которые минимизируют издержки, связанные с выплатой заработной платы и социальным страхованием.

Эти различия логически вытекают из признания того, что экономики — это не тесно связанные системы; участники в них могут выбирать, какие стратегии использовать для получения богатства. Свенсон, например, отмечает, что структура национального рынка труда может приводить к совершенно различным стратегиям предпринимателей для контроля над рабочей силой и затратами на нее²³. Кроме того, изменения в глобальной конкурентной среде также могут ускорять изменения в национальных конкурентных стратегиях и понимании предпринимателями своих интересов.

И, что важнее всего, развитие на политической арене может менять способ восприятия предпринимателями своих интересов. Так, сила контрдви-

²¹ Peter Swenson, *Capitalists against Markets* (New York: Oxford, 2002).

²² Michael Jacobs, *Short-Term America: The Causes and Cures of Our Business Myopia* (Cambridge, MA: Harvard Business School Press, 1991).

²³ Swenson, *Capitalists*.

жений, левых или правых, может оказывать серьезное влияние на стратегические расчеты предпринимателей. Взлеты и падения таких движений могут подталкивать предпринимателей к важным изменениям в своих политических альянсах.

Тезис IV: Конкуренция между странами в мировой экономике создает новые различия в структурировании экономических институтов

У самого Поланьи этот тезис развит слабее всего; он имплицитно присутствует в рассмотрении Поланьи различных способов, которыми общества отвечали на экономическую катастрофу 1930-х²⁴. Но он позволяет скорректировать особую разновидность дарвиновской идеи эволюции, которая получила широкое распространение в современной мысли о глобализации. Сложности связаны с представлением о том, что страны конкурируют на глобальном рынке, что они постоянно вынуждены адаптировать свои институты для того, чтобы быть более конкурентоспособными. Страны, неспособные адаптироваться, окажутся на обочине, но страны, которым удастся успешно адаптироваться, будут становиться все более схожими, копируя практики более успешных обществ²⁵.

Эта формулировка представляет собой развитие представления об экономиках как о тесно связанных системах. Учитывая тесную взаимозависимость различных частей экономики, из этого, естественно, следует, что успешная адаптация заставит страны становиться все более гомогенными в своих ключевых экономических институтах. Основная идея состоит в том, что существует только одна лучшая форма устройства современной экономики и что конкуренция заставит всех двигаться к этой модели.

Но теории биологической эволюции имеют ровно противоположную логику; они гласят, что борьба за выживание создает все большее разнообразие, поскольку виды развивают новые способы приспособления к меняющейся среде.

ОСНОВНАЯ ИДЕЯ СОСТОИТ
В ТОМ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ
ТОЛЬКО ОДНА ЛУЧШАЯ
ФОРМА УСТРОЙСТВА ЭКОНО-
МИКИ И ЧТО КОНКУРЕНЦИЯ
ЗАСТАВИТ ВСЕХ ДВИГАТЬСЯ
К ЭТОЙ МОДЕЛИ

²⁴ Поланьи, *Великая трансформация*, главы 19, 20.

²⁵ «Когда ваша страна... признает правила свободного рынка, действующие в мировой экономике, и решает играть по этим правилам, она надевает Золотую смирительную рубашку, как я это называю. Золотая смирительная рубашка — политико-экономическое одеяние, характеризующее эру глобализации. В период холодной войны ходили во френче Мао, в куртке Неру, в русских мехах. С приходом новой эпохи осталась только смирительная рубашка из золота. Если у вашей страны такой еще нет, то скоро она появится». Фридман, *Lexus*, с. 119.

Обновленный подход Поланьи признает наличие непрекращающейся конкуренции за место в глобальной системе. Но в настоящее время имеется множество стратегий для сохранения или улучшения относительного положения страны²⁶. Например, одно общество может делать значительные инвестиции в научно-техническое развитие, другое может вкладываться в развитие новых средств производства, а третье может сделать приоритетом повышение качества своей рабочей силы. Каждый из этих путей, скорее всего, приведет к институциональным инновациям, которые могут увеличить институциональные различия между рыночными обществами. Даже если подражание является широко используемой стратегией, новые циклы инноваций вполне могут сохранить или даже увеличить существующий уровень институционального разнообразия.

Когда эти четыре тезиса берутся вместе, приходит понимание того, что развитие рыночных обществ во многом определяется политическими конфликтами и политической борьбой²⁷. Поэтому своеобразие европейского фашизма или скандинавской социал-демократии становится понятным, когда экономики начинают рассматриваться как слабо связанные, интересы класса предпринимателей как зависимые от обстоятельств, а контрдвижения левых и правых как способные использовать государственную власть для совершения глубоких изменений в структуре экономики и мировой экономики, предлагающей множество путей для успешной экономической адаптации.

Рассматривает ли эта теория какие-либо ограничения трансформаций, которые данный политический режим может наложить на рыночное общество? Национал-социалистическое правительство в Германии могло использовать свои возможности к принуждению, чтобы заставить предпринимателей сотрудничать с его все более иррациональной и губительной политикой²⁸. В конце концов, только военная сила других стран наложила ограничения на авторитарные режимы в Германии и Японии. С другой стороны, левые движения обычно использовали политическую власть в парламентских системах, сохраняя значительное право голоса для деловых кругов²⁹. Это сохранение права голоса накладывает политические ограничения на экономические изменения.

Но, как на протяжении длительного времени показывает пример Швеции, бизнес можно убедить пойти на серьезное ограничение привилегий, предо-

²⁶ Эта конкуренция разворачивается в глобальной системе, которая может сделать использование определенных стратегий экономически и политически затратным. Идея же состоит в том, что и глобальные правила, и эффективность их проведения в жизнь со временем меняются. См.: Fred Block, «Introduction», pp. xviii–xxxviii in Polanyi, *Great Transformation*.

²⁷ Это означает также, что идеи и идеология играют центральную роль в исторических изменениях. Подробное изложение этой и других мыслей см.: Somers and Block, «From Poverty to Perversity».

²⁸ Mihaly Vajda, *Fascism as a Mass Movement* (London: Allison and Busby, 1976).

²⁹ Кроме того, левые правительства, которые приходили к власти путем революций, подвергались серьезному политическому и экономическому давлению извне.

ставляемых правами собственности. В 1970-х годах, когда предложение социал-демократов относительно фондов заработной платы создало угрозу ползучей социализации шведской экономики, бизнесу удалось мобилизоваться, чтобы остановить эту инициативу³⁰. В конечном счете вопрос о существовании внутренних ограничений, связанных с тем, какие типы преобразований политически возможны в рыночных обществах, остается открытым.

Различия между этим обновленным подходом Поланьи и большинством неомарксистских и рыночно-либеральных подходов кажутся очевидными. Но существуют значительные пересечения между обновленным подходом Поланьи и работой, сделанной в рамках «неоинституционального» подхода в политической и социальной науке³¹. Их объединяет акцент на важности политических институтов и политических конфликтов в определении социального развития. Однако обновленный подход Поланьи уделяет особое внимание двойному движению и политическим трансформациям, которые могут быть начаты успешными движениями.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА: РАСХОЖДЕНИЕ ПУТЕЙ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И ЕВРОПЫ

Едва ли можно сомневаться, что современная экономическая глобализация действительно приводит к гомогенизирующим последствиям. Дорогие гостиницы и пробки в городах очень схожи, независимо от того, где ты находишься — в Париже, Нью-Йорке, Шанхае, Лос-Анджелесе или Варшаве. Более того, транспортная и коммуникационная революции сделали возможным более тесное взаимодействие между этими глобальными городами на повседневной основе. Тем не менее на трех важных уровнях имеются убедительные свидетельства того, что Соединенные Штаты и Европа движутся в различных направлениях.

Первый уровень — это уровень социальной политики, особенно здравоохранения и социального обеспечения, защищающей граждан от неопределенности и рисков. В этом отношении Соединенные Штаты стоят особняком, потому что это единственная развитая страна, которая не имеет национального медицинского страхования. Но расхождение росло, по мере того как в здравоохранении возрастала роль лекарств, отпускаемых по рецепту, а Соединенные Штаты предоставили фармацевтическим компаниям карт-бланш на выколачивание всей возможной прибыли за свои продукты на рынке. В результате подавляющее большинство американцев, в отличие от практически *всех* европейцев, уверенных в том, что в случае возникновения проблем со здоровьем они получат необходимую помощь, живет в стра-

30 Jonas Pontusson, *The Limits of Social Democracy: Investment Politics in Sweden* (Ithaca: Cornell University Press, 1992).

31 См., напр.: Neil Fligstein, *The Architecture of Markets* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001); Swenson, *Capitalists*; Wolfgang Streeck and Kathleen Thelen, *Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies* (New York: Oxford University Press, 2005).

хе, что они не «потянут» медицинскую помощь, необходимую для сохранения жизни или здоровья члена своей семьи³².

Много лет тому назад Эспинг-Андерсен описал огромный разрыв между тремя различными «мирами капитализма всеобщего благосостояния»³³. Позднее Хьюбер и Стивенс показали, что этот разрыв сохранился в 1990-х³⁴. Данные Люксембургского исследования доходов показывают, что вероятность того, что ребенок будет жить в нищете, в Соединенных Штатах втрое выше, чем во Франции или Германии³⁵. Кроме того, по официальным данным, с 2000 года происходило возрастание уровня бедности и крайней бедности в Соединенных Штатах³⁶. Европейские государства несколько урезали программы социального обеспечения, но верность Европейского Сообщества сокращению «социального исключения» означала, что такое урезание не затронет программы, нацеленные на защиту детей. Даже Великобритания за последнее десятилетие существенно снизила показатели бедности среди детей³⁷.

Второй уровень расхождения связан с религиозными и культурными установками. Если Европа продолжила секуляризацию с сокращением количества верующих и прихожан, то Соединенные Штаты пережили религиозное возрождение³⁸. Растущая важность религии в Соединенных Штатах способствовала резкой поляризации по проблемам, вроде аборт или равенства для геев, которые не могут вызвать подобного раскола в европейских обществах. Возможно, наиболее впечатляющие свидетельства расхождения в установках встречаются во Всемирном исследовании ценностей, которое использует ряд вопросов для оценки того, какое положение различные страны занимают на оси традиционных/светски-рациональных ценностей. К традиционным ценностям относятся вера в Бога, признание важности религиозных обрядов, представление, что детей нужно учить покорности и почтению, и поддержка абсолютных моральных стандартов. На шкале, простирающейся от -2,2 до +1,8, Соединенные Штаты занимают положение -1,0, чуть меньше Индии, а Германия и Швеция располагаются на другом конце шкалы — +1,3³⁹.

Наконец, Европа и Соединенные Штаты все чаще расходятся друг с другом по многим вопросам внешней политики. Свидетельством этого служит широкое участие европейцев в антивоенных демонстрациях перед аме-

32 Jeremy Rifkin, *The European Dream* (New York: Penguin, 2004), 79–80.

33 Esping-Andersen, *Three Worlds*.

34 Huber and Stephens, *Development and Crisis*.

35 Данные этого исследования приводятся в: Fred Block, Anna Korteweg, and Kerry Woodward, «The Compassion Gap in American Poverty Policy», *Contexts* 5, no. 2 (2006): 14–20.

36 U.S. Census Bureau, *Income, Poverty, and Health Insurance Coverage in the United States: 2004* (Current Population Reports, P60-229) (Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 2005).

37 Timothy Smeeding, «Public Policy, Economic Inequality, and Poverty: The United States in Comparative Perspective», *Social Science Quarterly* 86 (December 2005): 955–983.

38 Rifkin, *European Dream*.

39 Wayne Baker, *America's Crisis of Values* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005).

риканским вторжением в Ирак. Безусловно, в Соединенных Штатах в это время также имелись противники войны, и поддержка войны в общественном мнении постепенно ослабевала. Тем не менее, в Соединенных Штатах агрессивная тактика администрации Буша в «глобальной войне с терроризмом» пользуется намного большей поддержкой и уважением, чем на европейском континенте.

И самые ярые защитники, и самые непримиримые критики экономической глобализации настаивают, что все расхождения между Соединенными Штатами и Европой являются временными или преходящими. Теоретики свободного рынка считают, что защита европейцами институтов государства всеобщего благосостояния обусловлена своеобразной бездумной ностальгией по утраченному прошлому. Они не устают утверждать, что теперь, когда Европа сталкивается со все более конкурентным мировым рынком, европейцам придется признать, что они больше не могут позволить себе щедрое социальное обеспечение, и в конце концов принять американскую модель⁴⁰. Некоторые левые авторы придерживаются схожей аргументации. Хотя они признают существование впечатляющих различий между системами социального обеспечения Европы и Америки, они также утверждают, что давление глобальной конкуренции вынудит европейцев прийти к прижимистой и ограниченной американской версии социального обеспечения⁴¹. Наиболее ярко эта идея была озвучена бывшим советником Тэтчер Джоном Грэем, который заявил, что на смену плохим капитализмам придет хороший⁴².

Эти рассуждения о сближении путей Европы и Америки преобладали в академических дебатах в 1980–1990-х годах, но в новом столетии все большее число исследователей начало говорить, что расхождения нельзя признать временными. Исследователи, работающие в традиции изучения «различных видов капитализма», стали утверждать, что различные модели имели свои достоинства и что конкуренция может способствовать сохранению, а не устранению таких различий⁴³. Это изменение точки зрения является важным достижением.

Значительная часть этой более свежей исследовательской литературы признает, что европейские разновидности капитализма сталкиваются с серьезными трудностями во многих отношениях, а их сторонники признают, что будущий успех европейской модели нельзя считать само собой разумеющимся. Недавний провал европейской конституции, в частности, дал пищу для серьезных размышлений о перспективах Европейского Сообщества. Нам же важно, что эти исследователи не находят признаков стрем-

⁴⁰ Фридман, *Lexus*.

⁴¹ John Callaghan, *The Retreat of Social Democracy* (Manchester, UK: Manchester University Press, 2000).

⁴² Gray, *False Dawn*.

⁴³ См., особ.: Hall and Soskice, *Varieties*; Yamamura and Streeck, *Diversity*; Swenson, *Capitalists*.

ления европейцев перенять американскую модель в первом десятилетии XXI века⁴⁴.

Но надо сказать, что в некоторых работах о различных видах капитализма понимание причин расхождения между Европой и Америкой вызывает определенные сомнения. Это наиболее заметно во влиятельной работе Холла и Соскиси, в которой «координируемые рыночные экономики» Европы противопоставляются «либеральной рыночной экономике» Соединенных Штатов⁴⁵. Они утверждают, что европейские фирмы входят в сложные сети координации с другими фирмами, профсоюзами и государством. В Соединенных Штатах, напротив, большинство фирм крайне автономно и независимо и не включено в сложные сети взаимных обязательств. Соединенные Штаты — это либеральная рыночная экономика именно из-за этой большей независимости фирм.

В данной аргументации идеология американского бизнеса смешивается с реальностью американской экономики. Показательный пример в этой связи приводит Джозеф Стиглиц, Нобелевский лауреат по экономике, возглавлявший Экономический совет при президенте во время правления Билла Клинтона. Он говорит, что руководители крупных американских корпораций обычно приезжали к нему с одинаковыми историями. Каждый из них заявлял о своей верности свободной рыночной экономике и идее, что государство должно играть как можно меньшую роль в экономике. Но все они отмечали, что их отдельная отрасль — это особый случай, и для поддержания ее жизнеспособности они нуждаются в сильных и решительных действиях американского федерального правительства. Стиглиц, в частности, упоминает Пола О'Нила, генерального директора *Alcoa*, который позднее работал первым министром финансов при Джордже Буше-младшем. О'Нил был ярким сторонником свободных рынков, но ему была нужна помощь администрации Клинтона для того, чтобы *Alcoa* могла образовать глобальный алюминиевый картель, потому что это был единственный способ справиться с избыточными производственными мощностями в этой жизненно важной отрасли⁴⁶.

История Стиглица показывает, что американское государство играет важную координирующую роль и что типичная американская фирма зависит от действий властей. На самом деле американская модель капитализма построена вокруг ряда крайне защищенных и зависимых от государства отраслей, в которых экономическим либерализмом даже не пахнет. К ключо-

44 Jonas Pontusson, *Inequality and Prosperity: Social Europe vs. Liberal America* (New York: Century Foundation, 2005). Автор этой работы признает, что европейские государства всеобщего благосостояния сталкиваются с серьезными трудностями, но он не видит в них никаких подвижек в сторону американской модели.

45 Hall and Soskice, «Introduction», in *Varieties*, 1–70.

46 Стиглиц рассказал об этом в выступлении под названием «Великая трансформация в новом столетии», Колумбийский университет, 27 апреля 2001 года. Подобные мысли высказываются также в: Джозеф Стиглиц. *Ревущие девяностые*. М.: Современная экономика и право, 2005.

чевым отраслям относятся оборонные предприятия, сельскохозяйственные компании, зависимые от государственных субсидий, крупные нефтяные компании, тесно связанные с американской внешней политикой, крупные фармацевтические компании, которые зависят от финансируемых государством исследований и обеспечения патентных монополий, и, наконец, крупные финансовые фирмы — гигантские банки, брокерские фирмы и страховые компании, — которые поддерживаются регулируемыми структурами и крайне благоприятной системой налогообложения⁴⁷. Возможно, к этой категории также должна относиться значительная часть телекоммуникационной отрасли и крупнейшие компании в индустрии развлечений, которые владеют большей частью аппарата вещательного и кабельного телевидения.

Но даже многие крупные фирмы за пределами этого очень важного ядра мало походят на стереотип свободных рыночных конкурентов, которые могут позволить себе поддерживать прохладные отношения с властями. Американская автомобильная промышленность остро зависит от государственного дорожного строительства и продолжения поставок сравнительно дешевого бензина. Американская компьютерная отрасль продолжает развиваться благодаря широким государственным закупкам и значительной федеральной поддержкой научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок. Соединенные Штаты стали лидером в Интернет-технологиях благодаря финансированию со стороны министерства обороны первой скоростной сети, связывающей компьютеры исследователей, и продолжают выделяться субсидии на развитие новых, еще более быстрых сетей⁴⁸. Наконец, строительная отрасль всегда была тесно связана с местными властями и властями штата, решения которых определяют развитие городов и пригородов.

Холл и Соскиси приходят к своей проблематичной формулировке в результате исследования пяти сфер деятельности, в которых фирмы сталкиваются с проблемами координации. Сюда входят три пересекающиеся сферы — *трудо-вые отношения, профессиональное обучение и образование и отношения с работниками*, — в которых имеются серьезные различия между более регулируемым рынком труда Европы, обеспечивающим институционализированное положение для профсоюзов, и американской системой, где и профсоюзы, и защита прав работника слабы. Хотя различия, на которые они указывают, вполне реальны, они совершают ошибку, смешивая уровень регулирования со степенью институциональной координации.

Но американская система крайне сегментированной занятости требует немалой координации для обеспечения связанных с занятостью благ, вроде медицинской страховки и пенсий отдельным видам работников, когда другие продолжают работать, несмотря на отсутствие социальных гарантий

47 Систематические исследования этой проблемы встречаются нечасто; см.: John L. Campbell, J. Rogers Hollingsworth, and Leon Lindberg, *Governance of the American Economy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991).

48 Nathan Newman, *Net Loss: Internet Prophets, Private Profits, and the Costs to Community* (University Park, PA: Penn State University Press, 2002).

и заработок на уровне прожиточного минимума. И она осуществляется не путем самостоятельной работы рынков, а в результате непрекращающейся политической мобилизации со стороны бизнеса и сложной сети институтов, которая сочетает регулирование и принуждение⁴⁹.

В четвертой сфере, *отношениях между фирмами*, Холл и Соскиси, вероятно, не поспевают за временем. С середины 1980-х годов фирмы в Соединенных Штатах, стоящие на переднем краю технологического развития и даже автомобильная промышленность, известная своим сопротивлением изменениям, создали богатую ткань сотрудничества между фирмами. После закона 1984 года, который освободил исследовательские объединения от ограничений антимонопольного законодательства, между фирмами во множестве различных отраслей началось сотрудничество в деле ускорения технологического прогресса. В то же самое время фирмы в различных отраслях — от фармацевтики до индустрии развлечений — освоили элементы японской модели, позволяющие устанавливать долгосрочные отношения с субподрядчиками⁵⁰.

Холл и Соскиси оставили без внимания две другие сферы, которые нужно добавить к их перечню — *технологическую политику и регулирование*. В обоих этих случаях американские фирмы поддерживали высокий уровень координации друг с другом и с правительством. Несмотря на идеологические заверения в обратном, американское правительство при активной поддержке бизнеса играет важную роль в финансировании коммерчески выгодных технологий за счет налогоплательщиков⁵¹. Точно также американские фирмы — от финансовых услуг до энергетики и телекоммуникаций — совместно вкладывают сотни миллионов долларов в политический процесс с тем, чтобы гарантировать, что государственное регулирование позволит им получать прибыль и дальше⁵².

49 Swenson, *Capitalists*; Marie Gottschalk, *The Shadow Welfare State: Labor, Business, and the Politics of Health Care in the United States* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000)

50 Об исследовательских объединениях см.: Steven W. Collins, *The Race to Commercialize Biotechnology* (London: RoutledgeCurzon, 2004); Andrew Cortell, *Mediating Globalization: Domestic Institutions and Industrial Policies in the United States and Britain* (Albany: SUNY Press, 2006). О субподряде см.: Susan Christopherson and Michael Storper, «The Effects of Flexible Specialization on Industrial Politics and the Labor Market: The Motion Picture Industry», *Industrial and Labor Relations Review* 42 (1989): 331–347; Bennett Harrison, *Lean and Mean* (New York: Basic Books, 1994); Hyeong-Ki Kwon, «Divergent Constitution of Liberal Regimes: Comparison of the U.S. and German Automotive Supplier Markets», *Politics & Society* 31, no. 1 (2003): 93–130; Collins, *Race to Commercialize*.
51 О роли государства в развитии технологий см.: Glenn R. Fong, «Breaking New Ground or Breaking the Rules: Strategic Reorientation in U.S. Industrial Policy», *International Security* 25, no. 2 (2000): 152–186; Alex Roland and Philip Shiman, *Strategic Computing: DARPA and the Quest for Machine Intelligence 1983–1993* (Cambridge, MA: MIT Press, 2002); Collins, *Race to Commercialize*; Cortell, *Mediating Globalization*.

52 В 2005 году в Вашингтоне, округ Колумбия, было зарегистрировано свыше 36.000 корпоративных лоббистов, то есть по 68 человек на каждого члена конгресса. См.: Matthew Continetti, *The K Street Gang* (New York: Doubleday, 2006). См. также: Elizabeth Drew, *The Corruption of American Politics* (New York: Overlook Press, 2000).

Короче говоря, в начале XXI века автономная и независимая американская фирма, решительно отвергающая всякое вмешательство государства, — это сказочный зверь. Хотя между этими двумя разновидностями капитализма существуют очевидные различия, нельзя недооценивать роль государства в координировании американской экономики. Чтобы понять расхождение Соединенных Штатов и Европы, нам нужно подробнее рассмотреть специфические особенности политической истории Соединенных Штатов за последние сорок лет.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ: БИЗНЕС В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ПОСЛЕ «НОВОГО КУРСА»

В конце 1960-х годов несложно было представить, что Соединенные Штаты и Европа шли очень схожими историческими путями. По обе стороны Атлантики последовательность депрессии, войны и послевоенной реконструкции в 1930–1940-х в конце концов привела к схожим результатам⁵³. Несмотря на реальные различия в росте государственных расходов и, в частности, формах государственного обеспечения, существовал широкий консенсус относительно кейнсианского государства всеобщего благосостояния, в котором государство брало на себя ответственность за макроэкономическое управление и защиту граждан от неблагоприятных обстоятельств. Более того, и там, и там деловое сообщество, по-видимому, смирилось с возрастанием роли государства и влияния профсоюзов. Эти сходства подкреплялись сходствами в риторике и требованиях радикальных студенческих движений, которые достигли своего расцвета в 1968 и 1969 годах в Европе и Америке⁵⁴.

Хотя такое восприятие сближения было тогда довольно точным, события 1970-х годов существенно изменили картину. И хотя значительная часть делового сообщества в Соединенных Штатах смирилась с кейнсианским государством всеобщего благосостояния, многие крупные предприниматели изменили свою позицию. С тех пор американская политика определялась решением крупного капитала полностью сменить свой курс и заключить политический союз с консервативными правыми⁵⁵.

До рузвельтовского «Нового курса» социальное обеспечение в Соединенных Штатах оставляло желать лучшего⁵⁶. Государственные пенсии по старости, которые были введены в большинстве европейских стран ко вре-

53 Об этом сближении см.: Andrew Shonfield, *Modern Capitalism: The Changing Balance of Public and Private Power* (Oxford: Oxford University Press, 1969).

54 Arthur Marwick, *The Sixties: Cultural Revolution in Britain, France, Italy and the United States, c. 1958-c. 1974* (New York: Oxford University Press, 1998).

55 Jerome Himmelstein, *To the Right: The Transformation of American Conservatism* (Berkeley: University of California Press, 1990); John Micklethwait and Adrian Wooldridge, *The Right Nation: Conservative Power in America* (New York: Penguin, 2004).

56 Theda Skocpol, *Protecting Soldiers and Mothers* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992).

мени Первой мировой войны, появились в Соединенных Штатах только в 1935 году. И большая часть делового сообщества в Соединенных Штатах выступала против Рузвельта и многих его реформ. Но, начиная со Второй мировой войны и в последующие десятилетия, бизнес изменил свою позицию и смирился с ростом влияния федерального правительства⁵⁷.

Бизнес приспособился к порядку «Нового курса», потому что государство смогло обеспечить неплохой совокупный спрос и защитить фирмы от различных форм незаконной конкуренции. Кроме того, принятие закона «О трудовых отношениях» и маккартистские чистки левых профсоюзов ослабили наиболее опасных противников корпораций. Точно так же переход к «деловому кейнсианству» и «военному кейнсианству» успокоил бизнес, опасавшийся более социал-демократических идей, которые были в ходу среди левых кейнсианцев в 1930-х годах⁵⁸.

Еще одним важным фактором была глобальная роль, которую Соединенные Штаты взяли на себя во время Второй мировой войны и которую они продолжили играть во время холодной войны. Хотя типичная американская фирма оставалась провинциальной с точки зрения деловой стратегии и получила не слишком много от миллиардов долларов, потраченных на боевые действия за рубежом, эти фирмы были уверены в правильности американской внешней политики. Они были решительными участниками влиятельной политической коалиции, поддерживающей последовательное распространение американского влияния по всему миру, во главе которой находились наиболее крупные и международно-ориентированные компании.

От Перл-Харбора до 1960-х годов американская внешняя политика служила важной «смазкой», облегчающей взаимодействие бизнеса с возрастанием экономической роли федерального правительства. Существование сплоченного внешнеполитического истеблишмента со связями в международно-ориентированном сегменте делового сообщества служило «мостиком» между деловым сообществом и последовательно сменявшими друг друга администрациями в Вашингтоне. Эта внешнеполитическая элита была особенно важна в поддержании отношений между демократическими администрациями и деловым сообществом. Под руководством этой группы бизнес отказался от своей традиционной антигосударственной риторики, а «корпоративные либералы», которые считали, что государство должно было играть важную роль в решении социально-экономических проблем, приобрели большое влияние⁵⁹.

Но в 1970-х все изменилось. Волнения и распространение антикорпоративных настроений, подпитываемых радикальными движениями 1960-х —

57 Историю приспособления бизнеса к порядку «Нового курса» см.: Swenson, *Capitalists*. См. также: Mark Blyth, *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).

58 Robert M. Collins, *The Business Response to Keynes, 1929–1964* (New York: Columbia University Press, 1981).

59 G. William Domhoff, *The Power Elite and the State* (New York: Aldine, 1990).

начала 1970-х, вызвали масштабную контрмобилизацию деловых консерваторов. Изложенная впервые в записке 1971 года, подготовленной Льюисом Пауэллом, который позднее был назначен Ричардом Никсоном в Верховный суд, эта стратегия предполагала последовательные усилия по созданию контринститутов, вроде мозговых центров и других политических организаций, которые должны были бросить вызов леволиберальному уклону университетов. Но, что самое важное, стратегия сосредоточилась на возвращении традиционной свободной рыночной экономики и систематических усилиях по ослаблению экономической роли правительства⁶⁰.

Неожиданно произошло свертывание «корпоративного либерализма» и его замена корпоративно признанным «рыночным фундаментализмом» — глубокой и необоснованной верой в способности саморегулирующихся рынков. Этот сдвиг согласовывался с целенаправленными усилиями правых интеллектуалов в 1960-х по развитию нового теоретического синтеза, призванного объединить деловых консерваторов и религиозных консерваторов⁶¹. Когда стагфляция в 1970-х дискредитировала кейнсианское управление экономикой, а низовая деятельность консерваторов, обеспокоенных расовыми и гендерными преобразованиями 1960-х, смогла получить широкую поддержку, возродившемуся консерватизму в 1980 году удалось выиграть выборы президента.

С тех пор политические позиции бизнеса не претерпели серьезных изменений. Краткое правление Клинтона (1993-2000) оказало не слишком большое воздействие. Несмотря на центристскую политику его администрации, он не смог привлечь достаточно сторонников в бизнесе, чтобы заключить прочный союз с Демократической партией. Корпорации по-прежнему жертвуют куда большие средства республиканцам, выступающим за снижение налогов, антипрофсоюзную политику и ослабление регулирования⁶². Взамен бизнесу приходится соглашаться с программой правых христиан, основанной на неприятии аборт и гомосексуалистов и глубокой враждебности к международным организациям, так как именно таких взглядов придерживаются рядовые республиканские избиратели, особенно на Юге.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПОВОРОТА, СОВЕРШЕННОГО БИЗНЕСОМ

Но чем объясняется стремительность трансформации в политической лояльности бизнеса в конце 1960-х — середине 1970-х? Никакого сопоставимого сдвига среди европейских ведущих представителей бизнеса, которые на протяжении всего этого времени продолжали выказывать осторожную

60 Записку Пауэлла см.: http://reclaimdemocracy.org/corporate_accountability/powell_memo_lewis.html. Подробнее о наступлении, начале бизнеса, см.: Himmelstein, *To the Right*; Blyth, *Transformations*.

61 Himmelstein, *To the Right*.

62 Dan Clawson, Alan Neustadt, and Mark Weller, *Dollars and Votes* (Philadelphia: Temple, 1998). Более свежие данные см.: <http://www.opensecrets.org>, the Web site of the Center for Responsive Politics.

поддержку государства всеобщего благосостояния, не произошло⁶³. Кроме того, в 1969 году комиссия, созданная по распоряжению президента Джонсона и включавшая представителей бизнеса, одобрила идею федерального гарантированного дохода в качестве решения проблем бедности и расового неравенства⁶⁴. К 1980 году наиболее заметные представители делового сообщества поддерживали усилия Рейгана по демонтажу значительной части ограниченного американского государства всеобщего благосостояния. Во время этих сдвигов некоторые исследователи объясняли происходящие трансформации с секторальной или региональной точки зрения; новые заинтересованные круги, имевшие корни на Юге и Юго-Западе, громко заявили о себе и разбили традиционный либерализм деловых элит Западного побережья. Но эмпирические основания такого подхода всегда были слабыми, как и идея, что господствовавшие на протяжении долгого времени заинтересованные круги могут так неожиданно потерять власть.

Более убедительное объяснение связано с серьезностью кризиса, который американское общество пережило в 1964–1974 годах. Несмотря на отсутствие массовой безработицы и экономического краха 1930-х, это был период крайнего напряжения всех социальных институтов вследствие сочетания трех основных трансформаций. Неотложной задачей, стоявшей перед демократическими наследниками коалиции «Нового курса», был ответ на эти трансформации, требовавший обновления и углубления самого этого «Нового курса». Но эта задача оказалась не по зубам демократической коалиции. Произошел раскол, в результате которого в центре национальной политики осталась зияющая пустота. Потом эта пустота была заполнена возродившимся консерватизмом.

Первой трансформацией, произошедшей в Соединенных Штатах, было исчерпание экономической модели, основанной на массовом производстве. Тот же переход суждено было пережить и Европе, хотя и не с такой остротой, к середине 1970-х. При поддержке военного кейнсианства с 1950-х годов разрастание пригородов, автомобилизация и продажа товаров длительного пользования поддерживали экономический рост в Соединенных Штатах на протяжении первых двух послевоенных десятилетий. Но в 1960-х стало ясно, что работа на производстве больше не может служить движущей силой роста занятости⁶⁵. Рост экономики и занятости должен был определяться ростом сферы услуг, и для облегчения этого перехода необходимы были изменения в государственной политике. Также было очевидно, что расто-

63 В литературе, посвященной изучению различных видов капитализма, приводится анализ предпочтений европейского бизнеса; см.: Hall and Soskice, *Varieties*; Yamamura and Streeck, *End of Diversity*.

64 О комиссии Хайнемана см.: Michael Katz, *The Undeserving Poor* (New York: Pantheon, 1989).

65 Тенденции в занятости на производстве рассматриваются в: Fred Block, *Revising State Theory* (Philadelphia: Temple University Press, 1987), chap. 7. Полезный обзор дебатов в Соединенных Штатах о постиндустриальной эпохе см.: Howard Brick, *Transcending Capitalism: Visions of a New Society in Modern American Thought* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006).

чительное отношение к ресурсам, характерное для эпохи резкого роста массового производства, сохранить будет не так-то просто⁶⁶.

Вторая трансформация была связана с войной во Вьетнаме и глубокими внутренними конфликтами, вызванными войной. Хотя холодная война помогла связать деловые круги с демократической коалицией, комбинация роли Америки в мире, антикоммунистической риторики и внутренней политической напряженности все больше осложняла для Соединенных Штатов выработку последовательной внешней политики. Численность американских войск непомерно выросла, и они потеряли десятки тысяч людей в бессмысленной войне, которая только ослабила положение Соединенных Штатов на международной арене⁶⁷. Кроме того, война помешала Соединенным Штатам прийти к трехсторонней договоренности с Европой и Японией, которая позволила бы Соединенным Штатам поддерживать свое глобальное влияние без таких денежных и людских затрат⁶⁸.

Последней трансформацией была политическая мобилизация афроамериканцев, прочих этнических меньшинств и женщин — всех групп, которые считались маргинализированными или исключенными из порядка, установленного в результате проведения «Нового курса». Эти группы выступали за экономическое, политическое и культурное включение, и эти требования вступали в прямое противоречие со сложившимися формами общественной и семейной жизни. И все же частичное и постепенное удовлетворение этих интересов, возможно, воодушевило демократическую коалицию и помогло ей вернуть голоса избирателей.

Но по мере эскалации войны во Вьетнаме администрации Джонсона пришлось выбирать между войной за рубежом и проектом внутренней реформы, и она выбрала первую. Это, в свою очередь, не позволило разрешить основные экономические проблемы, и уступки для афроамериканцев и прочих меньшинств в области занятости стали невыполнимыми. Вместо синергичных решений происходили синергичные провалы, которые вели к возрастанию политической поляризации и радикализации⁶⁹.

Хотя большинство стран Западной Европы также столкнулось с подобными переходными проблемами в конце 1960-х — начале 1970-х годов, они имели огромное преимущество всего лишь косвенного участия во вьетнамском конфликте. В отсутствие необходимости нести финансовые и культурные затраты, связанные с ведением крайне непопулярной войны, их политические системы смогли совершить переход, который позволил обеспечить

66 Необходимость сбережения ресурсов и перехода к возобновляемым источникам энергии широко обсуждалась в Соединенных Штатах в начале 1970-х годов. Но политическая система оказалась неспособной ответить на эту проблему, и она была практически забыта в последующие три с половиной десятилетия.

67 Godfrey Hodgson, *America in Our Time* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005).

68 Fred Block, *The Origins of International Economic Disorder* (Berkeley: University of California Press, 1977).

69 Frances Fox Piven and Richard Cloward, *The Breaking of the American Social Compact* (New York: New Press, 1997); David Plotke, «The Democratic Political Order, 1932–1972» (Ph. D. dissertation; University of California-Berkeley, 1985).

поддержку предпринимателями механизмов кейнсианского государства всеобщего благосостояния. В Европе также не было ничего подобного панической реакции американского сообщества, поскольку европейский бизнес имел давний опыт борьбы с вызовами антикапиталистических левых.

Важно отметить, что эти два президента в данный период поначалу пользовались большим уважением за свою политическую искушенность. Линдон Джонсон был прямым наследником «Нового курса» и одним из наиболее опытных политиков своего поколения. Его победа над Голдуотером в 1964 году сопровождалась наиболее сильной поддержкой Демократической партии со стороны деловых кругов. И именно поэтому его неспособность удержать политический центр и эффективно ответить на эти трансформации способствовала глубокому разочарованию традицией «Нового курса» среди предпринимателей.

И это разочарование только усилилось, когда Джонсона сменил Никсон, который также считался необычайно эффективным политиком. В сравне-

ИМЕННО НИКСОНУ ПРИ-
НАДЛЕЖИТ ЗНАМЕНИТОЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЕ: «ВСЕ МЫ
ТЕПЕРЬ КЕЙНСИАНЦЫ»

нии с более поздними республиканцами, Никсон был консерватором «большого правительства»; он не испытывал никаких колебаний в вопросах расширения государственной власти и институционального влияния во внутренней политике. Его администрация создала Управление по охране окружающей среды и Управление охраны труда, использовала контроль над ценами и заработной платой для сдерживания инфляции, существенно увеличила финансирование социальных программ и создала

программу дополнительного социального страхования, чтобы федерализировать государственную помощь инвалидам. И именно Никсону принадлежит знаменитое высказывание: «Все мы теперь кейнсианцы»⁷⁰.

Поэтому возобновление отношений с Китаем при Никсоне может служить метафорой всей его администрации. По образцу Дизраэли, ему удалось вдохнуть новую жизнь в американский консерватизм, предложив ряд ответов на три трансформации, исходя из посылки что государство способно решать социальные проблемы, но при этом опираясь на консервативную риторику, которая позволила республиканской коалиции привлечь на свою сторону миллионы в прошлом демократических избирателей.

Тем не менее Никсон потерпел сокрушительный провал. Его экономическая политика представляла собой всего лишь ряд импровизаций, которым не доставало долгосрочного видения. Несмотря на его заигрывание с идеей масштабных реформ для борьбы с бедностью и оказание умеренной поддержки Плану помощи семьям Мойнихана, он не желал тратить свой политический капитал на проведение этой инициативы через конгресс. Крайне

⁷⁰ Hodgson, *America*.

смелые внешнеполитические замыслы его и Киссинджера так и не были осуществлены из-за неспособности признать реальность американского поражения во Вьетнаме. И все эти провалы, конечно, были увенчаны систематическим злоупотреблением исполнительной властью при Никсоне.

Совокупное влияние на бизнес политических промахов Джонсона и Никсона в 1964–1974 годах сложно переоценить. Тот факт, что ни один из этих двух необычайно опытных центристских политиков не смог решить многочисленных проблем, с которыми столкнулись Соединенные Штаты, привел к болезненному пересмотру бизнесом своих взглядов на американскую политику. Короче говоря, бизнес решил, что «жизнеспособный центр» удерживать невозможно и нужно отказаться от поддержки политиков, выступающих за «большое правительство», в обеих партиях.

Это разочарование совпало с крахом двухпартийного внешнеполитического истеблишмента, который предлагал интеллектуальное обоснование американской внешней политики в период холодной войны. Безусловно, значительная часть американской внешней политики в 1970–1980-х оставалась двухпартийной, но она больше не была связана со сплоченным внешнеполитическим истеблишментом. В результате распада этих объединяющих институтов ведущие представители деловых кругов получили теперь возможность создавать новые политические коалиции.

В начале 1970-х годов возродившиеся рыночные правые воспользовались разочарованием деловых кругов, обусловленном провалом ряда инициатив «большого правительства». Правые смогли объяснить провалы Джонсона и Никсона; оба они воплощали государственническую идеологию, которая отвергала фундаментальную истину, что путь к процветанию и свободе пролегает через рынок. О чем бы ни шла речь — об энергетической политике, социальной политике, кризисе Бреттон-Вудской системы или внутренней инфляции, — рыночные правые имели убедительную историю, которая видела в нынешних кризисах неизбежное следствие несостоятельных либеральных идей и утверждала, что спасение может принести только политика, способная восстановить «естественный порядок» саморегулирующихся рынков⁷¹.

Опасения делового сообщества еще больше увеличивали привлекательность доводов правых. Радикализация 1960-х создала глубокое недоверие к бизнесу, а критика стандартной деловой практики со стороны потребителей и защитников окружающей среды становилась все более влиятельной. Крыло Демократической партии, возглавлявшееся Макговерном, многие считали настроенным против бизнеса и ожидали от него новых регулирующих реформ в случае его прихода к власти в Вашингтоне⁷².

⁷¹ Рассмотрение изменений в одной из более либеральных деловых групп см.: G. William Domhoff, *Who Rules America? Power, Politics, and Social Change*, 5th ed. (New York: McGraw Hill, 2006), 98–100. См. также: J. G. Peschek, *Policy-Planning Organizations: Elite Agendas and America's Rightward Turn* (Philadelphia: Temple University Press, 1987); Himmelstein, *To the Right*.

⁷² Ценное описание современниками опасений деловых кругов см.: Leonard Silk and

Таким образом, «корпоративный либерализм» переживал глубокий упадок, и большинство представителей делового сообщества с готовностью заключили альянс с республиканскими правыми, которые обещали пойти на снижение налогов, дерегулирование и сокращение правительства. Начиная с 1970-х годов в этой риторике делового консерватизма особенно поражает решительный отказ брать на себя ответственность за проблемы общества. Ответственность за все экономические трудности риторически перекладывалась на неповоротливое правительство, хищные профсоюзы и культуру, которая не в состоянии была понять героические жертвы тех, кто трудился ради получения прибыли.

Но именно тогда, когда деловые лидеры почти единодушно приняли такую риторику, было очевидно, что многие крупнейшие американские корпорации стали крайне бюрократизированными, имели раздутые штаты и не способны были чутко реагировать на изменения на рынке⁷³. Образцовым примером этого служила американская автомобильная промышленность, которая оказалась неспособной предложить эффективный ответ на японский конкурентный вызов 1970-х⁷⁴. Но ситуация в автомобильной промышленности не была уникальной; многие американские корпорации воспринимали большой бум, который произошел после окончания Второй мировой войны, как время, когда сдержанная олигополистическая конкуренция между тремя-четырьмя ведущими фирмами сделала возможным впечатляющий рост без большой конкурентной дисциплины. К концу 1970-х потребность в этих корпорациях ослабла, и большая предприимчивость стала важной составляющей «здорового смысла» бизнеса. 1980–1990-е были периодом резкого сокращения корпораций, так как крупные фирмы запоздало попытались стать более гибкими и конкурентоспособными, чтобы оперативно отвечать на изменения, происходящие в деловой среде⁷⁵.

Почему же многие ведущие представители деловых кругов захотели принять идеологию, которая возлагала ответственность на «большое правительство» и крупные профсоюзы, хотя было очевидно, что крупные корпорации сами были ответственны за многие экономические проблемы? Почему они не выступили за более сбалансированную программу реформ? Такая программа подчеркнула бы необходимость наведения порядка в самом бизнесе, признав при этом, что федеральное правительство может играть важную регулирующую роль, способную помочь фирмам и экономике в целом достичь большей эффективности.

David Vogel, *Ethics and Profits: The Crisis of Confidence in American Business* (New York: Simon and Schuster, 1976).

⁷³ Пример наиболее ранней критики см.: Rosabeth Kanter, *Men and Women of the Corporation* (New York: Basic Books, 1977), но вскоре последовали и другие работы. См.: Ezra Vogel, *Japan as Number 1: Lessons for America* (New York: Harper & Row, 1979); Michael Piore and Charles Sabel, *The Second Industrial Divide* (New York: Basic Books, 1984).

⁷⁴ Провалы американской автомобильной промышленности подробно описаны в: James P. Womack, Daniel T. Jones, and Daniel Ross, *The Machine that Changed the World* (New York: HarperCollins, 1990).

⁷⁵ Harrison, *Lean and Mean*.

Подобные призывы имели место, и они позволили одержать несколько отдельных политических побед. Решение администрации Картера оказать федеральную помощь корпорации *Chrysler* в 1979 году можно считать последним проявлением программы, отвергавшей идеи рыночного фундаментализма⁷⁶. Но проблема была в том, что немногочисленные непредвзятые представители деловых кругов, все еще имевшиеся в 1976 году, остались без надежных потенциальных союзников или убедительной программы реформ. В середине 1970-х профсоюзы и другие прогрессивные группы мобилизовались для принятия закона «О полной занятости и сбалансированном росте», который обязывал федеральное правительство стать «работодателем в последней инстанции», предоставляющим рабочие места безработным. Эта инициатива была неприемлемой даже для относительно просвещенных деловых кругов, которые опасались роста рыночной власти работников одновременно с усилением инфляционного давления и обострением международной конкуренции⁷⁷.

Короче говоря, разочарование деловых кругов федеральным правительством ко времени прихода к власти Картера в 1977 году было настолько глубоким, что возрождение сотрудничества с Демократической партией для них было маловероятным. Но давление на Картера со стороны профсоюзов и других прогрессивных избирателей и отсутствие убедительной экономической программы подтолкнули деловые круги в объятья все более правых республиканцев. В 1979 году, когда Картер назначил Волкера главой Федеральной резервной системы, начался новый этап политического развития, который длится уже более четверти века. С этого времени все экономические проблемы решались с помощью политики, которая существенно ослабляла позиции наемных работников, суля огромные прибыли крупным корпорациям и владельцам больших состояний⁷⁸.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АЛЬЯНСА БИЗНЕСА И РЕСПУБЛИКАНСКИХ ПРАВЫХ

Но политические альянсы создают свою собственную особую политическую динамику. Когда с 1970-х годов началось создание альянса крупного капитала и республиканских правых, бизнес был ведущим партнером в коалиции. Но в следующие тридцать лет соотношение сил изменилось, и положение бизнеса в коалиции заметно ослабло. Это имеет большое значение для понимания администрации Джорджа Буша-младшего и растущего расхождения путей развития Соединенных Штатов и Европы.

⁷⁶ О недолгом увлечении индустриальной политикой в администрации Картера см.: Otis L. Graham, Jr., *Losing Time: The Industrial Policy Debate* (Cambridge: Harvard University Press, 1992).

⁷⁷ Margaret Weir, *Politics and Jobs: The Boundaries of Employment Policy in the United States* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992).

⁷⁸ William Greider, *Secrets of the Temple: How the Federal Reserve Runs the Country* (New York: Simon and Schuster, 1987).

В первые годы существования этого альянса религиозные и социальные консерваторы явно играли роль младших партнеров. Это соотношение сил было осмыслено политическим теоретиком Шелдоном Уолином в начале правления администрации Рейгана. Он утверждал, что под предлогом восстановления традиционных ценностей и этоса одноэтажной Америки Рейган займется ускорением капиталистической модернизации, которая неизбежно подорвет материальную основу «традиционных» сообществ. Он писал:

Разрушение традиционных ценностей также служит условием для свободной работы инновационной экономики. Модернизирующаяся экономика поглощает не только природные ресурсы, но и традиционные человеческие ресурсы, закрепленные в традициях: ресурсы умений, ремесла, домашней жизни, личных связей и общей морали⁷⁹.

Так и произошло. 1980–1990-е были десятилетиями сокращения корпораций в Америке, когда были упразднены миллионы рабочих мест на производстве и в среднем звене управления. Целые отрасли, вроде мясоперерабатывающей промышленности, которые предлагали занятость, защищенную профсоюзом, перешли к найму дешевой рабочей силы, в том числе многих нелегальных иммигрантов. Крупные розничные сети во главе с *Wall-Mart* расширили свое влияние, закрыв многие традиционные ниши мелкой розничной торговли. Миллионы людей лишились возможности получить медицинскую страховку, а расходы на лечение резко выросли. И, наконец, сохранение фискальных ограничений на расходы штата и местных органов власти исключало возможность поддержки экстренной медицинской помощи или финансирования высшего образования для детей⁸⁰.

Кроме того, «модернизирующаяся экономика», созданная Рейганом, еще больше ускорила расовые и гендерные трансформации, начатые социальными движениями 1960-х. Многие крупнейшие корпорации поддержали идею создания «мультикультурных» рабочих мест, которые не предоставлялись автоматически белым мужчинам, а отдельные сегменты делового сообщества открыто отстаивали «контркультурные» ценности⁸¹. Кроме того, несмотря на известное пренебрежительное отношение Рейгана к эпидемии СПИДа, общественные симпатии и поддержка прав гомосексуалистов в этот период выросли.

В результате в 1980–1990-х годах религиозные правые смогли превратиться в мощное контрдвижение. Это движение подпитывалось глубокой неудовлетворенностью ростом экономической незащищенности и продолжающейся

79 Sheldon Wolin, «Reagan Country», *New York Review of Books* (December 18, 1980): 9–12.

80 Harrison, *Lean and Mean*; Joel Blau, *Illusions of Prosperity: America's Working Families in an Age of Insecurity* (New York: Oxford, 1999); Eileen Applebaum, Annette Bernhardt, and Richard Murmane, eds., *Low-Wage America: How Employers are Reshaping Opportunity in the Workplace* (New York: Russell Sage, 2003).

81 Об освоении бизнесом некоторых «контркультурных» ценностей см.: Thomas Frank, *The Conquest of Cool* (Chicago: University of Chicago Press, 1997); David Brooks, *Bobos in Paradise* (New York: Simon and Schuster, 2000).

культурной модернизацией. Под эгидой неотрадиционалистского христианства это движение смогло привлечь на свою сторону людей, ощущающих себя крайне незащищенными в экономическом отношении, и людей, ощущающих себя на обочине в культурном отношении «либеральной» современности⁸². Популистская риторика, которая мобилизовала рядовых христиан против бесчувственных и высокомерных «либеральных» элит, смогла встретить отклик в широком недовольстве существующим положением вещей⁸³.

Как и движения политических левых, религиозные правые также обычно делятся на крайне идеологизированные кадры и последователей, которые куда менее радикальны в своих убеждениях. Многие кадры или активисты этого движения отстаивают идею «христианского национализма», представление, что Соединенные Штаты были основаны как христианская нация и должны вернуться к религиозному правлению. Этим «доминионистам» удалось организовать и мобилизовать поддержку среди куда более многочисленных протестантских евангелистских консерваторов, которые разделяют их неприятие вседозволенности, абортов и гомосексуализма⁸⁴.

Кроме того, происходил рост числа этих сторонников религиозных правых. Евангелистские протестантские деноминации и прочие консервативные церкви, вроде мормонов, росли в 1980–1990-х, когда численность большинства основных протестантских деноминаций сокращалась⁸⁵. Кроме того, этим растущим конгрегациям и деноминациям удалось увеличить политическую ангажированность своих сторонников. Консервативные религиозные группы распространяют миллионы политических буклетов и брошюр через действующие церкви⁸⁶. К 2000 году религиозные консерваторы имели определенный политический контроль над республиканским партийным аппаратом в сорока четырех из пятидесяти штатов⁸⁷.

82 Исторически белые евангелистские протестантские церкви, в отличие от ведущих протестантских церквей, привлекали своих сторонников из числа менее образованного, в основном рабочего населения. Но по мере роста движения в 1980–1990-х ему все лучше удавалось привлекать и удерживать новых членов из числа представителей среднего класса. Но имеются свидетельства того, что обеспокоенность статусом, отразившаяся в представлении, что работающие прихожане не получали достаточного уважения, коррелировало с поддержкой новых христианских правых. См.: Kenneth D. Wald, Dennis E. Owen, and Samuel S. Hill, Jr., «Evangelical Politics and Status Issues», *Journal for the Scientific Study of Religion* 28, no. 1 (1989): 1–16.

83 Thomas Frank, *What's the Matter with Kansas?* (New York: Metropolitan, 2004); Jean Hardisty, *Mobilizing Resentment* (Boston: Beacon, 2004).

84 Michelle Goldberg, *Kingdom Coming: The Rise of Christian Nationalism* (New York: Norton, 2006). Кроме того, кадры этого движения зачастую составляет само духовенство, которое весьма лояльно республиканской коалиции. См., напр.: James L. Guth et al., «The Political Activity of Evangelical Clergy in the Election of 2000: A Case Study of Five Denominations» *Journal for the Scientific Study of Religion* 42, no. 4 (2003): 501–514.

85 Byron Shafer, *The Two Majorities and the Puzzle of Modern American Politics* (Lawrence: University of Kansas Press, 2003), 172–174. См. также: Kenneth D. Wald, *Religion and Politics in the United States*, 3rd ed. (Washington, DC: Congressional Quarterly, 1997).

86 Wald, *Religion and Politics*.

87 По некоторым оценкам, в 2000 году религиозные правые оказывали большое влияние на республиканцев в восемнадцати и имели определенный контроль над ними

Рост числа сторонников и политической мобилизации сделали евангелистских протестантов особенно важными для республиканской избирательной коалиции. В период с 1972 по 2000 год процент республиканских избирателей, которые были евангелистскими протестантами, вырос с 17 до 28%⁸⁸. Если прибавить к этому религиозных традиционалистов из числа мормонов, католиков и других деноминаций, вес религиозных консерваторов среди республиканских избирателей будет весьма значительным.

Несмотря на политический альянс этого движения с крупным капиталом, его все же можно считать контрдвижением, направленным против экономической современности и политики расширения рынка. В соответствии с риторикой этого движения, христиане подвергаются маргинализации в материалистической культуре, которая проявляет все большую враждебность к их базовым убеждениям и ценностям⁸⁹. И те, кто страдает от материальных трудностей, и те, кто ощущает себя маргинализированным вследствие расовой и гендерной современности, становятся сильнее благодаря «любви к Господу»; она дарует им силы для того, чтобы справляться с трудностями. В то же время отдельные конгрегации служат «пристанищем в бессердечном мире» — общиной солидарности и взаимопомощи, которая помогает людям преодолевать ощущение уязвимости и беспомощности⁹⁰.

Кроме того, при поддержке «религиозных инициатив» президента Буша, многие из этих конгрегаций стали все более активными в своеобразном приватизированном и сектантском «государстве всеобщего благосостояния», способном обеспечивать экономическую помощь и поддержку в решении семейных трудностей. По иронии судьбы организации, вроде Хамаса, которые обрели свое политическое влияние благодаря созданию сетей социальной поддержки, стали образцом для трансформации американской политики⁹¹.

Но, подобно другим социальным движениям, религиозные правые не могут казаться своим рядовым членам целиком зависимыми от своих республиканских и деловых союзников в Вашингтоне. Кроме того, привычное использование движением пылкой религиозной риторики требует постоянной эскалации требований, предъявляемых находящейся у власти республиканской администрации. Поэтому по мере того как движение становилось все более сильным и сложным, оно все больше влияло на решения, определяющие аме-

в двадцати шести из пятидесяти штатов. Kimberly Conger and John Green, «Spreading Out and Digging In: Christian Conservatives and State Republic Parties», *Campaigns and Elections* 23, no. 1 (2002): 58–60, 64–65.

88 Clem Brooks and Jeff Manza, «A Great Divide? Religion and Political Change in U.S. National Elections, 1972–2000», *Sociological Quarterly* 45, no. 3 (2004): 421–450.

89 Goldberg, *Kingdom Coming*; Wald, *Religion and Politics*, особ. chap. 7.

90 И в мегацерквях, которые организуют прихожан при помощи многочисленных групп поддержки, призванных удовлетворять самые различные нужды прихожан (от ведения бизнеса до избавления от вредных привычек), все это возводится едва ли не в ранг науки. См.: Jeff Sharlet, «Soldiers of Christ: Inside America's Most Powerful Megachurch», *Harper's*, May 2005.

91 Barbara Ehrenreich, «The Faith Factor», *The Nation*, November 29, 2004.

риканскую политику, вроде того, кто будет заседать в наиболее влиятельных судах и какой будет внешняя политика Соединенных Штатов.

Политическое влияние религиозных правых позволяет объяснить отход администрации Буша от многостороннего подхода после 11 сентября⁹². Логичным ответом на террористические нападения были бы совместные усилия по укреплению глобального сотрудничества, включая новый «план Маршалла», способный подтолкнуть экономический рост в развивающемся мире и особенно в исламских регионах. Хотя такая политика вполне совместима с историей американского делового интернационализма, она неприемлема для религиозных правых. Она укрепила бы международные институты, к которым религиозные правые относятся с большим подозрением, а лидеры правых сочли бы такой сдвиг предательством и основанием для отказа в поддержке президенту.

Конечно, руководство Республиканской партии знает, что проведение односторонней внешней политики и зависимость от религиозных правых создает для него проблемы на национальных выборах, но найти какой-то простой выход из такой ситуации она не может. Потрясающая способность религиозных правых к мобилизации избирателей на низовом уровне, проявленная на выборах 2004 года, по сути, накладывает вето на выбор партией кандидата в президенты. Поэтому ни Джордж Буш-младший, ни люди, борющиеся за то, чтобы стать его преемником, не могут отказаться от поддержки правых.

ВЛИЯНИЕ АЛЬЯНСА НА БИЗНЕС

После тридцати лет их альянс со все более сильными религиозными правыми продолжал трансформировать деловое сообщество — и его восприятие, и его организационные способности. Доктрина рыночного фундаментализма, скрепляющая эту политическую коалицию, учит руководителей компаний не беспокоиться о «социальной ответственности»; их единственная ответственность состоит в увеличении прибыли для акционеров. Кроме того, согласно теории «выравнивания», руководство корпораций работает эффективнее всего, когда оно считает себя «владельцами» фирм, которыми они управляют. Это, в свою очередь, вызывало стремительный рост корпоративных компенсаций, когда на руководство пролился дождь из опционов на акции, бонусов и других стимулов⁹³.

В результате руководство компаний стало больше заботиться о краткосрочных результатах, так как они напрямую влияли на стоимость акций

92 Fred Block, «The Global Economy in the Bush Era», *Socio-Economic Review* 1, no. 3 (2003): 439–456.

93 О «выравнивании» см.: Michael Useem, *Executive Defense: Shareholder Power and Corporate Reorganization* (Cambridge: Harvard University Press, 1993). См. также: Robert H. Tilman and Michael L. Indergaard, *Pump and Dump: The Rancid Rules of the New Economy* (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2005).

компаний⁹⁴. Это, в свою очередь, приводит к стремлению заключать сделки и заниматься лоббированием в Вашингтоне ради получения непосредственной выгоды. Наиболее простой способ для большинства фирм улучшить годовые показатели состоит в получении налоговых льгот, которые позволяют фирме сохранить более высокую долю прибыли. И те фирмы, которые во многом опираются на свои права интеллектуальной собственности, вроде Корпорации Диснея или фармацевтической промышленности, могут обещать акционерам более высокую прибыль, просто одерживая законодательные и лоббистские победы, которые позволяют расширить их эксклюзивный контроль над отдельными видами интеллектуальной собственности⁹⁵.

Короче говоря, многие фирмы теперь следуют недальновидным стратегиям управления, которые исходят из того, что рыночная среда будет оставаться неизменной и что нет оснований готовиться к иному будущему. *General Motors* и *Ford*, например, были ошарашены ростом цен на нефть после урагана «Катрина»; несмотря на все разговоры о глобальном потеплении и «нефтяном пике», они ограничивались в основном своей внутренней стратегией при производстве необычайно прожорливых грузовиков и спортивных автомобилей. Точно так же крупные энергетические компании, которые помогли вице-президенту Чейни в разработке энергетической политики администрации, оставались верными тому же историческому курсу, основанному на ископаемом топливе.

Эта краткосрочная ориентация отражает заметный отход от политики бизнеса времен холодной войны. Тогда такие люди, как Дин Ачесон, Дуглас Диллон и братья Даллесы, служили «органическими интеллектуалами» делового сообщества, имевшими глубокие корни в деловой среде и одновременно занимавшимися разработкой долгосрочной стратегии для американской и мировой экономики. Многие из этих людей переходили с государственной службы на должности партнеров в элитных юридических фирмах или крупнейших инвестиционных банковских домов и наоборот. После ухода с государственной службы фирмы позволяли им тратить немало времени на разработку общеклассовой политической повестки дня⁹⁶.

Но это устройство само по себе было продуктом комфортной и олигополистической организации крупного бизнеса после Второй мировой войны. Эти элитарные юридические фирмы и инвестиционные банковские дома поддерживались крупными фирмами, которые были готовы и способны финансировать немногочисленные кадры органических деловых интеллектуалов. И такое устройство сохранялось до тех пор, пока разногласия относительно войны во Вьетнаме не вызвали раскола в этой группе. Но в послевоенную эпоху воспроизводство этих кадров деловых интеллектуалов стало даваться все труднее. Крупные корпорации столкнулись

94 Убедительную критику изнутри делового сообщества см.: John C. Bogle, *The Battle for the Soul of Capitalism* (New Haven, CT: Yale University Press, 2005).

95 Стиглиц, *Резвущие девяностые*, особ. chap. 4.

96 Domhoff, *Power Elite*.

с более сильным конкурентным давлением и не могли уже так легко оплачивать раздутые счета элитных юридических фирм и инвестиционных банков. В то же время юридическим фирмам и инвестиционным банкам пришлось работать в более конкурентной среде, когда даже наиболее квалифицированные сотрудники вынуждены были заботиться о своем оплачиваемом рабочем времени⁹⁷. И по мере резкого роста элитных деловых компенсаций в 1980–1990-х годах все меньше и меньше активных деловых людей было заинтересовано в том, чтобы отвлекаться от таких насущных задач, как управление своими и так уже значительными инвестиционными портфелями.

Долгосрочный альянс с правыми также привел к трансформации организационных способностей делового сообщества. В этом контексте особенно важными оказались огромные инвестиции правых фондов в «мозговые центры» и политические организации. Вместо более ранней страты органических интеллектуалов, которая имела глубокие корни в действительных фирмах, эти организации способствовали росту и привлечению новых поколений «деловых интеллектуалов» с глубокой идеологической приверженностью рыночному фундаментализму. Но эти наемники в конечном счете оказались более лояльными республиканской коалиции, чем самому бизнесу⁹⁸.

Кроме того, с 1994 года руководство республиканской партии усиленно работало над «проектом К-стрит», который должен был обеспечить занятие идеологическими республиканцами ключевых постов в торгово-промышленных ассоциациях и лоббистских фирмах крупного бизнеса. Идея была очевидна: лоббисты на Капитолийском холме не будут эффективными, если ими не будут лояльные республиканцы, ставящие партийные интересы выше отдельных проблем бизнеса⁹⁹.

Короче говоря, крупный бизнес отдал задачи по разработке политики и лоббистской деятельности на откуп консервативным идеологам, а сам сосредоточился на непосредственной отдаче. В результате бизнес теперь не может разорвать альянс с религиозными правыми и вынужден поддерживать любую внешнюю политику, проводимую республиканской администрацией. Существующие «мозговые центры» не получают финансирования для пересмотра рыночного фундаментализма или разработки альтернативных политических парадигм. И даже когда влиятельные бизнесмены высказывают серьезные сомнения насчет своего альянса с религиозными и одно-

97 David Bradlow, «The Changing Legal Environment: The 1980s and Beyond», *ABA Journal*, December 1, 1988.

98 Об инфраструктуре «мозговых центров» правых см.: Micklethwait and Wooldridge, *Right Nation*; Andrew Rich, *Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004).

99 О «проекте К-стрит» см.: Lou Dubose and Jan Reid, *The Hammer: God, Money, and the Rise of the Republican Congress* (New York: Public Affairs, 2004), особ. chap. 10. В этой работе приводятся слова одного лоббиста: «Я всегда считал, что моя работа — заботиться об интересах моего клиента. Неожиданно я начал работать на Республиканскую партию» (p. 177).

сторонними правыми, их возможности ограничены, так как аппарат деловой политики захвачен правыми¹⁰⁰.

Конечно, имеются признаки нарастания противоречий между деловыми кругами и правыми. И в Калифорнии, и в Миссури инициативы по финансированию исследований эмбриональных стволовых клеток привели к прямому столкновению заинтересованных деловых кругов с движением против абортов. Вице-президенты корпораций *McDonald's* и *Exxon Mobil* присоединились к новой группе, получившей название «Бизнес за дипломатическую деятельность», которая выражает обеспокоенность относительно антиамериканизма за рубежом и неявно критикует внешнюю политику Буша¹⁰¹. И к концу промежуточных выборов 2006 года объем пожертвований бизнеса демократам в конгрессе вырос.

Тем не менее этих признаков едва ли достаточно для того, чтобы говорить об очередной серьезной смене взглядов бизнеса. Рост пожертвований демократам может быть просто способом оградить себя от возможных неприятностей в случае, если демократы установят контроль над палатой представителей. Количество деловых лидеров, выступающих с открытой критикой политики администрации Буша, остается очень незначительным. Дело обстоит так, несмотря на очевидную некомпетентность администрации в Багдаде, Кабуле и Новом Орлеане.

На самом деле администрация сознает, что многие представители американского бизнеса поддерживают глобальную экономическую интеграцию и укрепление различных международных институтов — МВФ, Всемирного банка и ВТО, — которые были созданы для содействия развитию и управления интегрированной мировой экономикой. Но предпочтения религиозных правых не позволяют администрации открыто сотрудничать с этими глобальными институтами¹⁰².

Но администрация Буша попыталась разрешить это противоречие, повторив ключевой шаг времен холодной войны. В 1950 году, когда поддержка «плана Маршалла» и реконструкции Западной Европы и Японии все еще оставалась неполной, администрация Трумэна обратилась к военному интернационализму. Они считали, что серьезный рост военных расходов в сочетании с подачей экономической помощи в качестве военной помощи позволил продолжить интернационалистскую политику, но так, чтобы она выглядела более приемлемой внутри страны¹⁰³.

Подобным образом администрация Буша ответила на нападения 11 сентября односторонним и интервенционистским поворотом в своей внешней

100 Об издержках, которые приходится нести американским фирмам из-за внешней политики Буша, см.: «Yankee Go Home», *Marketing Week*, November 11, 2004.

101 См.: <http://www.businessfordiplomaticaction.org>.

102 В своей платформе 2006 года республиканцы Техаса призвали Соединенные Штаты выйти из ООН, МВФ и ВТО: http://www.texasgop.org/site/PageServer?pagename?library_platform.

103 Схожая мысль высказывается в: David Gibbs, «Pretexts and U.S. Foreign Policy: The War on Terrorism in Historical Perspective», *New Political Science* 26, no. 3 (2004): 293–321.

политике. Высказывались надежды, что, несмотря на пренебрежительное отношение к ООН и международному праву, Соединенные Штаты смогут удовлетворить бизнес, побудив своих европейских и азиатских союзников к укреплению международного экономического сотрудничества, хотя и без заметного укрепления глобальных институтов.

Но если стратегия администрации Трумэна в 1950 году содержала в себе определенное рациональное зерно, принимая во внимание существование тогда советского вызова, то политика Буша в этом отношении глубоко порочна. Идея, что военной силы достаточно для сдерживания угрозы исламского фундаментализма, основывается на систематическом непонимании истории и силы, с которой люди в других частях света сопротивлялись оккупации со стороны западных держав. Имперское перенапряжение, которое должно было продлить «американский век», теперь, скорее всего, приведет к его сокращению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье утверждалось, что пути развития Европы и Америки расходились, начиная с 1970-х годов, потому что деловое сообщество в Соединенных Штатах вступило в альянс с религиозными правыми. Хотя изначально бизнес был старшим партнером в альянсе, его относительное влияние начало ослабевать в 1990-х, когда религиозные правые получили контроль над низовым аппаратом республиканской партии и смогли оказывать большее влияние в Вашингтоне. Ко времени спорной победы Джорджа Буша-младшего на выборах 2000 года бизнес оказывал намного меньшее влияние на внешнюю политику и на внутреннюю социальную политику, чем предыдущие администрации. Конечно, бизнес получил неплохое вознаграждение в виде продолжающегося сокращения налогов, поддержки из федерального бюджета и слабого регулирования, но взамен ему пришлось согласиться с внешней и внутренней политикой религиозных правых.

Развитие Европы происходило другим путем, потому что сочетание национального медицинского страхования и иных форм социального обеспечения значительно повысила уверенность в повседневной жизни для большинства европейцев. Успех этой социальной политики был тесно связан с прочной поддержкой избирателей государства всеобщего благосостояния. В то же время Европа не переживала сопоставимого всплеска религиозности. Хотя в некоторых европейских странах появились правые контрдвижения, они не способны были обрести такое влияние на государственную политику, которым пользовались религиозные правые в Соединенных Штатах. Не имея возможности найти новых политических союзников, бизнес в Европе старался держаться подальше от наиболее агрессивных проявлений рыночного фундаментализма. И на уровне Европейского Сообщества, и в странах-членах компании лоббируют предпочтительную для себя политику в рамках структуры, которая признает необходимость и легитимность участия государства в формировании экономики.

Короче говоря, Европа двигалась все по тому же пути развития государства всеобщего благосостояния, тогда как Соединенные Штаты с 1970-х годов начали смещаться все правее и правее. Основной вопрос американской политики состоит в том, можно или нет убедить значительные силы в деловом сообществе пересмотреть свой союз с правыми. Как уже говорилось ранее, контроль над многими деловыми организациями со стороны организованных правых означает, что всякая переориентация бизнеса, скорее всего, потребует создания новых организаций и новых институтов.

Но более общей целью этой статьи было уточнение обновленного подхода Поланьи, предлагающего интеллектуальные инструменты для понимания процессов изменений в «различных видах капитализма». Этот подход подчеркивает важность политики, социальных движений и решающего политического влияния заинтересованных деловых кругов. Этот подход также показывает нецелесообразность выведения предпочтений бизнеса из насущных потребностей типичных фирм. Как уже говорилось, подобная процедура привела некоторых наблюдателей к ошибочному представлению о самодостаточности и независимости крупных американских фирм от государства. В результате обновленный подход Поланьи позволяет изучать различные виды капитализма на более надежной теоретической основе.

Перевод с английского Артема Смирнова